

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ: ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Работа представлена кафедрой японоведения СПбГУ.

В статье кратко рассматривается история иноязычных заимствований в японском языке, а также анализируются фонетические особенности заимствованной русскоязычной лексики в нем. Анализ этой лексики свидетельствует о том, что трансформации таких слов происходят по правилам японской фонологии и фонотактики и функциональности таких единиц, как моры и слоги. Автор отмечает частичное влияние языка-донора на язык-реципиент, в котором различные элементы системы проявляют разную степень устойчивости по отношению к «влиянию извне».

Ключевые слова: *иноязычные заимствования, фонетические особенности иностранных слов, функциональность слогов, мора, ударение.*

V. Rybin

FOREIGN WORDS IN JAPANESE: PHONETIC PECULIARITIES OF RUSSIAN LOANWORDS

A brief history of foreign words in Japanese is described in the paper. At the same time Russian loanwords' features are dealt with. The analysis of these words gives the following results: loanwords undergo transformations according to the Japanese phonetic and phonotactic rules while demonstrating functions of syllables and morae. In this case partial influence of the donor language phonology on the recipient language is observed: its system elements show different steadiness with respect to "foreign influence".

Key words: *foreign words, phonetic features of borrowings, syllable function, morae, accent.*

История заимствований иноязычной лексики в японский язык уходит в глубь веков. По некоторым сведениям, китайские слова и незначительное число слов из санскрита начали проникать в японский язык на волне прихода буддизма в Японию в период с IV по VII в. Ряд авторов сходятся на том, что этот процесс происходил в VI–VII вв.

В этой связи С. В. Неверов отмечал: «Важнейшим событием в истории развития японского языка явилось заимствование японцами в VI–VII вв. китайской иероглифической письменности, а вместе с ней и значительного числа китайских текстов, содержащих совершенно незнакомые для Японии понятия высокоразвитой к тому времени китайской науки, культуры, политики, экономики, права и государственного устройства. Новые для японцев понятия были выражены китайскими словами, чуждыми японскому языку по своему звуковому и морфологическому составу, но постепенно усваивавшимися японским языком, уровень развития которого в тот период не позволял передать эти понятия на базе исконно японской лексики» [4, с. 9].

В определенном смысле это был «культурный и лингвистический шок» для японского общества. Приход иноязычной лексики существенно повлиял на лексикон японского языка и вызвал определенные трансформационные процессы на разных уровнях языка.

Н. И. Конрад, сравнивая заимствования из китайского языка с заимствованиями из других языков, писал: «Наибольшее значение в этой трансформации имел язык китайский, соединение которого с японским приняло настолько широкие размеры, что современный японский язык может быть с точки зрения лексики по справедливости назван японо-китайским» [2, с. 31].

До прихода буддизма, а вместе с ним и китайской иероглифики японский язык был бесписьменным. Заимствованные из китайского языка лексические единицы стали называть *канго* (слова китайского корня). «Иероглифы заимствовались вместе с китайскими словами, ими обозначавшимися, т. е. вместе с присвоенным им звучанием, которое

изменялось соответственно фонетики японского языка... Сначала иероглифы употреблялись фонетически для записи японских слов, и на основе такого употребления в VIII в. была выработана слоговая фонетическая азбука – *канá*» [6, с. 11, 12].

Иероглифы функционировали не только как некие фонетические сущности, приспособленные для фиксации звучащих по-японски текстов, но и как семемы. Комплекс «звучание + значение», являющийся неотъемлемым для идеограмм (идеографов) китайского типа, получил терминологическое название *онъ*. Буквально этот термин обозначает «звук, звучание». Он передает искаженное произнесение китайских морфем и слов.

Таков был процесс прихода первой волны иноязычных заимствований. В ходе этого сложного процесса «в японский язык вошло огромное число составленных из “он’ов”, т. е. фонетически японизированных, китайских слов, которые записывались соответствующими иероглифами... Современная система японского языка сложилась на основе соединения двух принципов – фонетического и идеографического – и представляет собой смешанную идеографически-фонетическую систему, именуемую *кандзи-кана-мадзирибун*, в которой для написания разных разрядов слов используются разные типы письма» [6, с. 12, 13].

В средние века через посредство торговцев и миссионеров в японский язык стали попадать довольно редкие заимствования из европейских (португальского, испанского и голландского) и некоторых других языков (например, *бу:мэранъ* от *boomerang* «бумеранг» – заимствование из языка австралийских аборигенов).

Так, в эпоху Эдо (1600–1867 гг.) японцы восприняли от голландцев слова: *ко:хи* (*гол. koffij*), *мадоросу* «матрос» (*гол. matroos*); от португальцев и испанцев – *мэриясу* «трикотаж» (*порт. meias, исп. medias*); от португальцев – *табако* «табак» (*порт. tabako*), *буранъко* «качели» (*порт. balanço*), *панъ* «хлеб» (*порт. pão*) и др.

Следует отметить, что заимствование иноязычных слов происходило также соот-

ветственно правилам японской фонотактики, что приводило в определенном смысле к «искажению» исходных звучаний слов языка-донора. Иностранные заимствования из западноевропейских и некоторых других языков (кроме китайского) принято записывать одной из разновидностей силлабной азбуки – *катаканой*. В целом «слова, пришедшие извне» по-японски называют *гайрайго*, а в связи с тем, что они записываются *катаканой*, их также называют *катаканаго* «катаканскими словами».

Хорошо известно, что «начиная с последней трети XIX в. заимствования участились отчасти из немецкого и французского языков, а наибольшее их число составили слова английского происхождения. Количество этих слов резко возросло после Второй мировой войны, причем, разумеется, источник послевоенных заимствований – американский» [6, с. 23]. Вот некоторые примеры: *арубайто* «приработок» (нем. Arbeit), *тифусу* «тиф» (нем. Typhus); *манъто* «манто; плащ; накидка» (фр. manteau), *абэку* «парочка влюбленных; свидание» (фр. avec предлог “с”); *барикэ:до* «баррикада» (англ. barricade), *суторайки* (*судо*) «забастовка» (англ. strike).

Примечательно, что на начальном этапе заимствовались слова, обозначающие те чужеземные реалии, которые, естественно, не были в японском обиходе. Это видно и в приведенных ниже примерах заимствований из русского языка. В последующие годы в число заимствований стали попадать целые пласты научной, технической, политической и подобной лексики.

В этой связи важным представляются наблюдения и анализ процесса заимствования англо-американской лексики в послевоенные десятилетия, проведенный М. Л. Борщевской и Е. В. Самсоновой, которые резюмировали результаты исследования следующим образом: «В послевоенные десятилетия японский язык интенсивно заимствует иноязычную, особенно англо-американскую лексику. Ассимилируясь, становясь органической частью японского языка, эти заимствования неизбежно должны оказывать влияние

на японскую фонологическую систему (хотя бы потому, что вследствие простой и стабильной структуры японского слога сочетаемость фонем в японском языке сильно ограничена по сравнению с английским)... В процессе заимствования лексики происходит взаимодействие фонологических систем двух языков. Разные свойства японской фонологической системы проявляют различную устойчивость по отношению к воздействию извне» [1, с. 211]. Эти же авторы констатируют незыблемость закона преобладания открытых слогов в японском языке, а также базисного его фонемного состава.

Заимствования из русского языка в японский относятся к сравнительно недавнему времени. Они немногочисленны. В первую очередь этот слой лексики относится к обозначению русских реалий, которые не встречались, да и не могли искони встретиться в Японии.

Несколько странным в этой связи представляется появление в японском языке одного из первых заимствований из русского языка – *икура* в значении «красная икра». Оно попало в японский язык в эпоху Мэйдзи (1867–1912 гг.) [3, с. 53]. Необычность этого заимствования заключается в том, что и на территориях Японии в целом, и в тех районах, где проживали и живут представители аборигенного населения айны (есть мнение, что это заимствование попало в японский через посредство айнского языка), красная икра была и есть. Возможно, это связано с отличием в способе соления (засолки): японцы обычно солят икру без изъятия из оболочки и называют ее в таком случае *судзико*. Иногда для соленой икры, когда икринки отделяются одна от другой, используется собственно японское слово – *судзихики*, хотя это слово употребляется значительно реже, чем *икура*. Мало кто из японцев знает, что *икура* – не исконно японское слово, а пришедшее из русского языка.

В эпоху же Мэйдзи в японский язык пришло и название русского крепкого алкогольного напитка «водка» в разных вариантах вариантах звучания: *УокКа* (заглавные и прописные буквы использованы, чтобы как-

то отразить модификации в японской графике, вызванные появлением непривычных для японского сочетаний звуков речи), *ВоТОКА*, *бо:тока*. К этому же периоду относят и заимствование таких русских слов, как *ЦУа:* (*ЦУа:РИ*, *ЦУа:РУ*) «царь», *самова:ру* «самовар», *пэтика* «печка». С этой же эпохой связано заимствование японским языком названия русского народного музыкального инструмента «балалайка» → *барарайка*.

В эпоху Тайсё, т. е. после 1912 г., в японском языке появилось и русское слово *торойка* «тройка», обозначающее традиционную русскую упряжь из трех лошадей. В 30–40-х гг. XX в. это слово стало использоваться и в другом значении – «тройка» как судебнопорочительная структура НКВД.

Другое заимствование из русского – *маторё:сика* «матрешка», которая, в свою очередь, являясь изделием русского народного промысла, стала таковым, по одной из версий, не без японского влияния. Возможно, это слово попало в японский в период Русско-японской войны или после нее.

В период революционных событий в России «завучали» по-японски *рэ:нинь* «Ленин», *БОРИСИЭУ”иКИ* «большевики», *сута:ринь* «Сталин» и позже – *сута:ринидзуму* «сталинизм».

Из русских же реалий эпохи СССР можно назвать *собизто* «Совет (орган власти); Советы (как одно из названий СССР)», *корухо:дзу* «колхоз», *софухо:дзу* (*сохо:дзу*) «совхоз», *тасу* «ТАСС», *тотика* «(огневая) точка», *ра:гэру* «лагерь для заключенных», *супу:тонику* «(искусственный) спутник», *да:тя* «дача» и *пэрэсуторойка* «перестройка». Из русского языка пришли и названия блюд разных народов бывшего СССР: *сясирикку* «шашлык», *борусити* «борщ» и *пиросики* «пирожки».

Итак, отметим, что мы привели выше почти полный перечень русских заимствований, попавших в японский язык в разное время. Не упомянуты нами два слова, заимствованные в период Второй мировой войны или в послевоенные годы. Это – *кэтю:ся* «”Катюша” (название песни, музыка М. Блантера на стихи М. Исаковского и название артилле-

рийской установки, созданной в этот же период в СССР)» и *САРАФУАНЬ* «сарафан», пришедшее, видимо, из популярной и в послевоенной Японии и сейчас песни «Красный сарафан» (муз. А. Варламова). Возможно, эту песню «привезли с собой» на родину японские военнопленные, находившиеся в советском плену. Что касается слова «Катюша», то оно было известно в Японии и раньше (с 1910-х гг.), когда это имя было олицетворением героини романа «Воскресенье» А. Толстого. Это же имя послужило и как торговое название обруча для волос, используемое и в настоящее время.

Возвращаясь к проблеме заимствований в японский язык преимущественно из европейских языков, отметим следующее: изменения, которые происходят с заимствованиями в японском, отражают особенности его фонологического строя и показывают, как функционируют такие фонологические единицы, как моры и слоги.

Гайрайго – это практически на 90% (а то и более) имена существительные. И при исследовании этого слоя японской лексики основное внимание ученых обращается на фонологию, что и предопределило появление целой отрасли знаний – «фонология заимствований» (loanword phonology).

Исследования *гайрайго* в основном связаны с заимствованиями из английского языка (в его американском варианте), которые являются самыми многочисленными. Опубликованных специальных исследований, посвященных проблеме русских заимствований в японском языке, нам пока не встречалось.

В этой связи следует отметить дипломную работу Е. В. Звонаревой «Использование термина мора при описании фонологии японского языка» (СПбГУ, 2007; рукопись), в которой (гл. 2) содержится ряд интересных наблюдений и много статистических данных, связанных с русскими заимствованиями в японском языке, особенно с их фонологией как сегментной, так и супрасегментной.

В своем исследовании Е. В. Звонарева поставила одну из главных задач – провести проверку, действительно ли является спра-

ведливым утверждение о том, что место ударения (в языках с динамическим ударением) в словах языка-донора соответствует долготе соответствующего сегмента в слове-заимствовании.

С учетом того, что список «обычных» заимствований из русского языка весьма ограничен, Звонарева взяла за основу своего исследования русские имена собственные, относящиеся к антропонимам, топонимам и т. п., попавшие в японские тексты, словари, справочники, СМИ и т. д. Такой подход к этой проблеме представляется вполне оправданным и логичным.

В ряде случаев по поводу соотношения «ударность vs. длительность» звучат безапелляционные утверждения типа: «В японском языке имеется довольно большое количество европейских слов. Звучание таких слов приспособляется к фонетическим особенностям японского языка. В частности, в слогах, кончающихся на согласные звуки, под влиянием японской фонетики появляются гласные [u], [o] или [i], а ударные гласные в европейских словах в японском языке превращаются в долгие. Например, ТЁ:КУ – мел (англ. chalk)» [5, с. 69].

Как видно, такое заключение сделано на одном только примере. Сравним этот постулат хотя бы с теми примерами из русского языка, которые мы приводили выше. В одних случаях (*царь, колхоз, совхоз, спутник, Катюша, дача*) это «правило» срабатывает, а в других (*шкра, водка, тройка, перестройка*) – нет.

Для определения некой ведущей тенденции при передаче русского ударения в словах, попавших в японский язык, Е. В. Звонарева проанализировала 310 имен собственных, записанных азбукой *катакана*. При этом следует отметить, что для передачи количественной характеристики ударного сегмента в русском языке в японском используется знак «←», похожий на тире в европейских языках. Сделанная из Интернета выборка (310 имен собственных русского происхождения) свидетельствует о том, что 175 лексем содержат соответствующий знак долготы, а 135 – не содержат. В некоторых именах собственных наблюдается своеобразная ситуа-

ция, когда на месте, соответствующем ударению в исходном слове долгота не маркируется, а обозначается знаком долготы стечение типа *-ий*. Ср. Георгий → *гэоруги-*. Такого рода случаи, естественно, данным автором не учитывались в числе содержащих «долготу» как маркер ударения в лексеме исходного (русского) языка.

Приведенные статистические данные и вышеупомянутые примеры, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что наблюдается некая произвольность в выборе того или иного варианта при заимствовании русских лексем в японский язык, т. е. с указанием на место ударения в исходном слове и без указания на него.

О необязательности соблюдения «правила» – ударному сегменту в русском слове соответствует знак долготы в японском заимствовании – говорят и те случаи, когда наблюдаются дублиеты заимствованных вариантов: Новосибирск → *новосибирусуку* (12 900 случаев в выборке) или реже – *новосибир-русуку* (39 случаев); Стругацкий → *суторугацукки-* (15 000 случаев) против *суторога-цукки-* (2 случая).

Е. В. Звонарева для своего исследования воспользовалась статистическим методом, осуществленным с помощью введения русских имен собственных в японской графике в поисковую систему Yahoo.jp.co и осуществила подсчеты количества ссылок для каждого варианта лексем – с долготой и без нее. В результате было обработано таким методом около 400 пар слов. Далее пары были разделены на те, в которых преобладали случаи с долготой, и на те, где долгота преобладание вариантов с долготой отсутствует. Рассмотренные имена были сгруппированы по их длине в терминах мор. Логика такой обработки данных нам представляется оправданной – статистика может позволить выявить ведущую тенденцию в процессе заимствования русскоязычной лексики. Некоторые результаты были сведены в таблицы. В табл. 1 приводятся данные о количественном соотношении преобладающих вариантов (с долготой и без долготы) в зависимости от длины слов.

Таблица 1

Количественное соотношение пар слов с преобладанием долгих вариантов и вариантов без долготы в зависимости от длины слов в морях

Количество мор в слове (в варианте без долготы)	Количество пар, где больше вариантов с долготой (всего 124)	Количество пар, где больше вариантов без долготы (всего 264)
3	17 (15% от 124)	10 (4% от 264)
4	40 (30%)	84 (32%)
5	36 (29%)	72 (27%)
6	19 (16%)	39 (15%)
7	6 (5%)	33 (12,5%)
8	6 (5%)	21 (8%)
9	0	4 (1,5%)
10	0	1 (0,003%)

Статистика показывает, что пар, где преобладает вариант без долготы, примерно в два раза больше, чем пар, где преобладает вариант с долготой. Количество слов длительностью в 4, 5 и 6 мор в процентном отношении почти одинаковое как в одной, так и в другой группе пар слов. Трехморных слов с долготой больше в первой группе, а слов с длительностью больше шести мор – больше во второй (иногда незначительно). Вырисовывается следующая картина: **вероятность отражения ударных сегментов исходных русских слов в японском языке уменьшается с увеличением их длительности.**

Важным является наблюдение Е. В. Звонаревой относительного сегментного состава ударных слогов в русских словах. Автор пишет: «Из группы пар с преобладающим кратким вариантом можно выделить группу в 47 пар, где ударение в русском слове падает на слог, заканчивающийся на /n/ или /j/. В таком случае долгота, если она ставится, добавляет в соответствующем японском слове еще одну мору двуморному слогу типа /CVN/, /CVJ/».

В собственно японском слое лексики слов, содержащих трехморные слоги с «долгим гласным», нет. Есть только два примера из *гайрайго* – *то:нъ* «тон» (от *англ.* *tone*) и *си:нъ* «сцена (в спектакле); эпизод (в кино)» (от *англ.* *scene*), в которых как будто наблюдаются трехморные слоги указанного типа. Однако сами японские фонетисты склонны

считать, что такие сегментные последовательности многие природные носители произносят как два слога: *то-онъ* и *си-инъ*. Вероятно, в японском языке существует некое ограничение на сверхтяжелые слоги. Можно говорить о том, что это требование фонотактики отражается и на русских заимствованиях: **ударение в русском слове, как правило, не отмечается долготой в соответствующем японском слове, если это приводит к образованию трехморного слога.** Эту закономерность хорошо иллюстрируют примеры: *Петрѐнко* → *пѐторѐнъко* (12 500 ссылок в Интернете), а на ожидаемое *пѐторѐ:нъко* ссылки отсутствуют.

Можно предположить, что наличие/отсутствие долготы в японском слове может зависеть не только от длины русского слова, структуры ударного слога, но и от места ударения в исходном слове. В табл. 2 приводятся данные, связанные с зависимостью отражения длительности в японских сегментах от места ударения в русских словах.

Таблица 2

Зависимость отражения ударения русских слов от его фонологического расстояния в японском заимствовании, измеряемого в морях

Место постановки долготы (количество мор от конца слова)	Общее количество пар	Пары с преобладанием общего варианта	Пары с преобладанием краткого варианта
0	4	1	3
1	176	26 (34%)	50 (66%)
2	127	74 (58%)	53 (42%)
3	80	12 (15%)	68 (85%)
4	49	7 (14%)	42 (86%)
5	7	1 (14%)	6 (86%)
6	2	1 (50%)	1 (50%)

Из табл. 2 видно, что если место постановки долготы находится на расстоянии 3–4 моры от конца фонетического слова, то доля пар с преобладающим долгим вариантом в таких словах небольшая – 14–15%; большее количество приходится на такие пары, где долгота попадает на одну мору от конца слова –

34%. Слова с местом обозначения долготы на расстоянии две моры от конца слова отличаются от остальных тем, что только в этом случае пары с преобладающим долгим вариантом превосходят по количеству пары с преобладающим кратким вариантом (58 и 42% соответственно). Можно согласиться с выводом, что **русское ударение имеет наибольшую вероятность быть переданным долготой в японском слове, если оно приходится на две моры от конца слова.**

Каковы же сегментные особенности русскоязычных заимствований в японском языке? Рассмотрение приведенных выше примеров позволяет говорить: 1) об устойчивости открытых слогов структуры СГ в самом японском языке; 2) о соблюдении правил редукции узких гласных /i/ и /u/ в позиции между глухими согласными и в конце фонетического слова после глухого согласного перед паузой; 3) о недопущении стечения разнородных согласных; 4) о неразличимости звуков речи, входящих в оппозицию /l/ – /r/, имеющую место в исходном языке; 5) о расширении сочетаемости некоторых согласных (/ts/ проявляется перед /a/, хотя в традиционной японской фонологии эта аффриката предшествует только гласному /u/); 6) о нерегулярности появления новой губно-зубной фонемы /v/ (примеры с «водкой» и «Советами»).

Анализ русскоязычной лексики в японском языке показывает, что происходит некое взаимодействие фонологических систем

данных двух языков, а различные элементы системы языка-реципиента проявляют разную степень устойчивости.

В качестве небольшого дополнения следует отметить дублетные варианты заимствований, связанные с тем, из чего исходят при заимствовании того или иного слова. Так, топоним «Санкт-Петербург» передается по-японски: либо как *САНЬКУТО-ПЭТЭРУБУРУГУ*, либо как *САНЬКУТО-ПЭТЭРУБУРУКУ*. В первом случае предпочтение отдается своего рода транслитерации, а во втором – сближению со звучанием («транскрипции»). Из этого примера видно, что русское односложное сочетание **САНКТ** передается трехсложным (*САНЬ-КУ-ТО*) в японском, в котором, с одной стороны, появляется вставной узкий гласный – **У** – между разнородными согласными **К** и **Т**, который редуцируется в обычной речи, а, с другой – после **Т** проявляется эпентетический гласный **О** (а не **У**), так как японские слоги не могут практически иметь согласного исхода и на использование в стандартном языке **У** после **Т** наложен запрет правилами фонотактики. Вторая часть рассматриваемого топонима (трехсложная цепочка – *Петер-бург*) трансформируется в шестисложную, в которой после каждого согласного следует «опорный» гласный, что ярко демонстрирует ведущую тенденцию к сохранению закона открытого слога в современном японском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борщевская М. Л., Самсонова Е. В. О влиянии лексических заимствований на фонологическую систему японского языка // Вопросы японского языка. М., 1971. С. 211–210.
2. Конрад Н. И. Синтаксис японского языка. М., 1937. 375 с.
3. Консайсу гайрайго дзитэн (Краткий словарь заимствованных слов). Токио, 1972. 895 с.
4. Неверов С. В. Общественно-языковая практика современной Японии. М., 2005. 149 с.
5. Учебник японского языка (для начинающих) / под ред. И. В. Головнина. М., 1971. 260 с.
6. Фельдман Н. И. Японский язык. М., 2002. 94 с.

SPISOK LITERATURY

1. Borshchevskaya M. L., Samsonova E. V. O vliyaniy leksicheskikh zaimstvovaniy na fonologicheskuyu sistemu yaponskogo yazyka // Voprosy yaponskogo yazyka. M., 1971. S. 211–210.
2. Konrad N. I. Sintaksis yaponskogo yazyka. M., 1937. 375 s.
3. Konsaisu gairaiigo dziten (Kratkiy slovar' zaimstvovannykh slov). Tokio, 1972. 895 s.
4. Neverov S. V. Obshchestvenno-yazykovaya praktika sovremennoy Yaponii. M., 2005. 149 s.
5. Uchebnik yaponskogo yazyka (dlya nachinayushchikh) / pod red. I. V. Golovnina. M., 1971. 260 s.
6. Fel'dman N. I. Yaponskiy yazyk. M., 2002. 94 s.